

ЕВРИПИД

ИФИГЕНИЯ В АВЛИДЕ

Перевёл с древнегреческого Вланес

АГАМЕМНОН

Эй, старик, выходи из шатра!

СТАРИК

Выхожу. Что затеял ты, вождь Агамемнон? Аг. Иди же! Ст. Иду!

У меня неусыпная старость, от которой глаза обострились. Аг. Что за странствующая звезда блещет возле Плеяд семипутных, пролетая по центру небес?

Нет ни звука повсюду ни птиц, ни воды: лишь молчанье ветров растекается вниз по Эврипу.

Ст. Ты зачем из шатра выбегаешь, властелин Агамемнон?

Всё пока безмятежно в Авлиде, часовые недвижны на стенах. Внутрь войдём. Аг. Я завидую, старый, и тебе, и любому, чья жизнь безопасна, безвестна, бесславна, а царям я завидую меньше.

Ст. Но у них благоденствие жизни.

Аг. Благоденствие это так шатко, все же почести вроде сладки, а выпадут – горечь. То, божественных дел не уладив, жизнь разрушишь себе, то людей мненья многие, недовольные душу скребут.

Ст. Неприятно мне это в герое. Жизнь тебе дал не только для блага, Агамемнон, Атрей. Нужно счастье познавать и печаль, ты ведь смертный. Хоть не хочешь ты этого, боги так желают. Но ты, распустив свет лампы, писал на дощечке, и теперь её держишь в руке. Начертаешь, сотрёшь, прикрепляешь и срываешь печати, бросаешь треугольник сосновый на землю, горько плача – от этих сомнений окончательно ты обезумел. Что ты мучишься, царь? Что стряслось?

Поделись же рассказом со мной,
человеком хорошим и верным.
Тиндареем супруге твоей
дан в приданое я,
чтоб украсить невесту достойно.

Аг.

Три дочери у Леды Фестиевой было:
то Феба и моя супруга Клитемнестра
с Еленой, чьей руки знатнейшие счастливицы
со всей Эллады приходили добиваться.
Ужасною расправой и смертоубийством
грозился каждый, если не возьмёт невесту.
Был Тиндарей-отец в немалом затрудненьи,
не выдавать ли, выдавать ли, как из этих
силков спастись – и озарило вдруг его:
пусть поклянутся, руки правые сомкнув
над жертвою сжигаемой, все женихи
установить взаимный мир и защитить
того из них, кто станет зятем Тиндарея,
на случай, если кто-то уведёт её
из дома и лишит жены законной мужа,
начать войну, оружием город уничтожить,
живут в нём греки или варвары, неважно.
Когда же клятву принесли (с таким искусством
завлѣк их старый Тиндарей своим умом),
он дочери позволил выбрать жениха
по воле сладких дуновений Афродиты.
И довелось – о, если б всё иначе было! –
ей выбрать Менелая. А потом явился
из Фригии судья богинь (как говорят)
в Лакедемон, цветя узорами покровов
и золотом блистая, варварским тщеславьем.
Пылая страстью, он с Еленой влюблённой
умчался к идовым хлевам, а Менелай
в отлучке был. Взбешѣнный, тот по всей Элладе
трубил о старой клятве, данной Тиндарею,
о том, что требуется помощь оскорблённым.
Тогда, конечно, греки, с копьями в руках,
во всеоружии пришли к порогам узким
Авлиды этой, взяв суда, щиты, а также
коней, и приготовив уйму колесниц.
А я вождѣм был избран – ради Менелая,
поскольку он мой брат. Ах, если б эта честь
кому-нибудь другому выпала, не мне!
Войска собрав и всё к походу приготовив,
сидели мы в Авлиде без ветров попутных.
Тут Калхас-прорицатель в затрудненьи нашем
изрёк, что нужно Ифигению мою
заклать богине Артемиде, здесь живущей,
что будет плавание и разгром фригийцев

заклавшим, не заклавшим ничего не будет.
Услышав это, приказал я, чтобы громко
Талфибий объявил о роспуске всех войск,
поскольку дочь свою не смог бы умертвить я,
но брат меня склонил умелыми речами
на дело страшное. Я в сложенном письме
велел супруге нашу дочь скорей сюда
отправить, как бы для замужества с Ахиллом.
Его достоинства хваля на все лады,
сказал я, что с ахейцами он плыть не хочет,
пока от нас жены во Фтию не возьмёт.
Супругу силе убеждения подвергнув,
на девушку я обменял фальшивый брак.
А из ахейцев знают, как всё получилось,
лишь Калхас, Одиссей и Менелай. Однако
я зло исправил, написав опять письмо,
его-то я во мраке ночи, как ты видел,
развязывал и запечатывал, старик.
Бери табличку и ступай немедля в Аргос.
А я тебе, что треугольник прячет в складках,
скажу словами – всё, что там я написал:
ты верен и жене, и дому моему.
«Посылаю тебе я письмо
вместо прежнего, Леды дитя...»

- Ст. Всё поведай мне, чтоб языком
я согласно с письмом говорил.
- Аг. «... дочь свою не спешి присылать
к берегам крыловидной Эвбеи,
к безмятежной Авлиде.
Мы во время другое, конечно,
справим дочери свадьбу. »
- Ст. Как же, брака лишившись, Ахилл
не разгневается на тебя
и жену твою? Это опасно.
Растолкуй мне, о чём говоришь.
- Аг. Тут лишь имя, не дело Ахилла.
Ни про брак, ни про действия наши
он не ведает, не обещал
дочь послать я на брачное ложе
и в объятья его.
- Ст. Что задумал ты, вождь Агамемнон!
Дочь ты сыну богини сулил,
а ведёшь её жертвой данайцам.
- Аг. Горе мне, я лишился рассудка!
Ай-ай-ай! Повергаюсь в несчастье!
Но иди, двигай ноги, про старость
позабудь! Ст. Убегаю я, царь!
- Аг. И не думай сидеть у лесных
ручейков, околдованный сном!

Ст. Ты хорошее лишь говори!
Аг. Всякий раз выходя на распутье,
будь внимательным, не пропусти
нашей быстроколёсной повозки,
увлекающей дочку мою
в эту пристань, к данайским судам.
Ст. Будет сделано. Аг. Если, засовы
отодвинув, отправились в путь,
ты их вожжи обратно направь
к древним храмам, созданыю Киклопов.
Ст. Но скажи, покажусь ли правдивым
твоей дочери, да и жене?
Аг. Ты печать сохрани на письме.
Вот, бери и ступай! Уж бледнеет
свет лампы в мерцаньи зари,
четверни огневеющей Гелия.
Принимайся за дело! Из смертных
в полной мере не счастлив никто,
беспечальным никто не родился.

ХОР

Я пришла на песчаный берег
приморской Авлиды,
пересекла Эврипа
потоки узкие,
оставив Халкиду, город мой,
кормилицу прибрежных вод
Аретусы славной,
чтобы видеть войско ахейцев
и ахейские корабельные вёсла
полубогов, которых на Трою
при флоте из тысячи судов
Менелай светло-русый,
как наши мужья говорят,
и благородный Агамемнон ведут
за Еленой, увезённой с Эвроты,
тростник питающего,
пастухом Парисом,
ставшей даром Афродиты,
когда у росистых ручьёв
с Герой и Палладой в сраженье, сраженье
красоты Киприда вступила.

Богатую жертвоприношеньями
рощу Артемиды миновала я –
багровели щёки мои
от стыда юного –
укрепленье из щитов, шатры
данайцев оруженосные
и скопленье лошадей видеть желая.

Заметила я двух Аяксов, сидевших вместе,
Оилида и Теламонида,
венцом Саламина ставшего;
и Протесилая, и Паламеда,
сыном Посейдона рождённого:
они отдыхали на стульях, наслаждаясь
хитроумными ходами шашек;
и Диомеда, с удовольствием
диск метавшего;
а рядом с Мерионом, Ареса
отраслю, чудом среди смертных –
его, пришедшего с гор островных,
сына Лаэрта; и ещё Нирея,
прекраснейшего из ахейцев.

Равными ветру ногами
быстро бегущего Ахилла,
рождённого Фетидой,
обученного Хироном,
видела я: по гальке береговой
нёсся он, при всём оружии,
состязаясь с четверной колесницей,
круги огибая, стремясь к победе!
Возница кричал,
Евмел, внук Ферета –
я видела его великолепных,
с украшенными золотом удилами,
молодых коней, понуждаемых стрекалом:
у посередине запряжённых
белыми крапинками гривы сверкали,
а у пристяжных, мчащихся по сторонам,
встречая развороты ристалища,
шкуры огневели, пестрясь на лодыжках
цельнокопытных – сын же Пелея,
оружьем увешан, летел подле перил
и ступиц колесничьих.

Я подошла ко множеству кораблей –
невыразимое зрелище! –
чтобы зрение женских глаз
наслажденьем сладким насытилось.
И правое крыло
флота занимала
сила мирмидонцев из Фтии,
пятьдесят неистовых судов:
высоко на кормах,
изображённые в золоте,
стояли богини Нереиды –
символы ахиллова войска.

Аргивские суда, с равным числом вёсел,
находились рядом,
ими командовали сын Мекистея,
вскормлённый дедом своим Талаем,
и сын Капанея
Сфенел. Приведя из Аттики
шестьдесят судов, Тесея сын
держал их на якоре неподалёку, поставив
богиню Палладу на крылатую колесницу,
запряжённую цельнокопытными конями –
счастливое предзнаменование морякам.

Беотийцев морское войско,
пятьдесят судов, я увидела,
украшенных изваяньями:
среди них был Каdm,
золотого дракона держащий,
возносясь над кормами судов,
а Леит землеродный
флотом военным командовал.
Из фокидской земли

.....
.....

Локридские суда, равные им числом,
вёл сын Оилея, покинув
знаменитый город Фроний.

Из Микен киклоповых
сын Атрея сопровождал моряков,
собранных на сотне судов,
с ним был Адраст,
предводитель и друг, вышедший с другом,
чтобы за женщину, из дома сбежавшую
ради брака варварского,
воздаянье Эллада взыскала.
И геренийского Нестора,
прибывшего из Пилоса, я заметила

.....
.....

на корме высилось изображение
соседа Алфея, с ногами бычьими.

У энианов двенадцать
было судов, которыми вождь
Гуней повелевал, и с ними рядом –
Элиды властители,
их эпейцами называла вся армия,
Эврит командовал ими,
а беловёсельную силу
тафийскую вёл правитель Мегет,

сын Филея,
покинувший Эхинады –
острова, для моряков неприступные.

Аякс же, Саламина питомец,
своё правое крыло
подвёл к левому крылу
соседнего флота, двинулся
крайними кораблями, зазор соединив
двенадцатью из них, легчайшими в управленьи:
это я слышала и моряков
скопление заметила.
Если кто-нибудь сюда приведёт
свои варварские плоскодонки,
то домой уже не вернётся.
Такой здесь я видела
поход кораблей,
и ещё дома слушала о созванной
армии, всё сохраняя в памяти.

Ст. Да как ты смеешь, Менелай! Какая дерзость!
МЕНЕЛАЙ

Проваливай! Ты слишком верен господам.

Ст. Хула такая лучше всякой похвалы.

Мен. Смотри, наплачешься! Не лезь куда не надо!

Ст. Зачем ты вскрыл письмо, которое я нёс?

Мен. Куда же бедствия всех эллинов понёс ты?

Ст. С другими спор веди, а мне письмо отдай!

Мен. Не дам! Ст. И я его не выпущу из рук!

Мен. Я жезлом голову тебе раскровеню!

Ст. По мне так это честь – погибнуть за господ!

Мен. Пусти! Ты слишком разговорчив для раба.

Ст. Властитель! Оскорбляют нас! Твоё письмо
вот этот выхватил из рук моих насильно –
эй, Агамемнон! – и творит несправедливость!

Аг. А!

Что за шум стоит у входа, что за недержанье слов?

Мен. Пусть моей даётся речи предпочтенье – не его!

Аг. Менелай, чего скандалишь, силой держишь старика?

Мен. На меня теперь смотри ты, и давай поговорим.

Аг. Мне ли, сыну ли Атрея, век от страха не раскрыть?

Мен. Видишь ли табличку эту? Вот служанка мерзких букв!

Аг. Вижу. Ты её сначала выпусти из рук своих.

Мен. Нет, немедля всем данайцам письмена я покажу!

Аг. Знаешь ты, что знать не время? Разве ты сломал печать?

Мен. На беду твою открыл я зло, свершённое тайком.

Аг. Где посланца задержал ты? Боги! Нет в тебе стыда!

Мен. Дочери твоей приезда ждал из Аргоса к войскам.

Аг. Что же ты следил за мною? В этом ли бесстыдства нет?

Мен. Я томился нетерпеньем. Я никак не раб тебе!

Аг. Ужас! Мне моим же домом не позволят управлять?
Мен. Крив твой ум: то то, то это – ныне, раньше и потом.
Аг. Славно ты украсил подлость! Гадок ловкий твой язык.
Мен. Ум неверный – вещь без правды и неясная друзьям.
Уличить тебя хочу я, ты же в бешенстве своём
не спеши отринуть правду, я не слишком надавлю.
Помнишь, как хотел данайцев ты на Трою повести,
притворяясь, что не хочешь, как ты этого желал
и каким ты был смиренным, как всем руки пожимал,
как незапертыми двери для простых людей держал,
в разговор вступал со всяким, пусть он даже не хотел,
как елозил, покупая популярность у толпы!
А потом, приняв правленье, все привычки изменил
и друзей своих забросил, а ведь раньше так дружил!
Неприступен, всё сидишь ты за засовами. Нельзя
честным людям, возвышаясь, свой характер изменять,
но в такое время нужно быть надёжным для друзей,
чтоб оказывать им помощь в благоденствии своём.
Это мой начальный выпад, подлость первая твоя.
Но когда пришёл в Авлиду вместе с общим войском греков,
стал нулём ты, сбитый с толку долей, посланной богами:
не было ветров попутных, и данайцы обсуждали
ропуск флота, чтоб напрасно не мытариться в Авлиде.
Как ты жалко озирался, как страдал, что не возглавишь
тысячу судов и войском дол Приама не наполнишь!
Донимал меня: «Что делать? Где решение найти мне?» –
в страхе, что, лишившись власти, славу добрую погубишь.
А когда велел нам Калхас дочь твою закласть богине
Артемиде, чтоб данайцы плыть смогли, с весёлым сердцем
девушку пообещал ты и послал за ней охотно.
Не насильно – врать не надо! – ты велел своей супруге
дочь прислать сюда, как будто для замужества с Ахиллом.
А теперь вот передумал – и с другим письмом уловлен:
мол, не будешь ты убийцей дочери. Скажи на милость!
Этот вот эфир небесный слышал всё, что обещал ты!
Тысячи такое терпят: делают с большим усердьем
все дела свои, а после их уводит вспять позорно
мнение плохое граждан или даже справедливость,
ведь у них не получилось безопасным сделать город.
Очень жаль Эллады бедной: дело доброе затеяв,
чтоб над нею не смеялось стадо варваров ничтожных,
остановлена тобою вместе с дочерью твоею.
Я не стал бы лишь за храбрость назначать главой страны
и командующим войском: надо ум вождю иметь,
всяк приказывать сумеет, у кого есть голова.

Хор Ужасно наблюдать возникновенье ссор
и ругани, когда в раздор впадают братья!

Аг. Я с тобой расправлюсь кратко и не слишком поднимая
веки к полному бесстыдству, но с благоразумьем бóльшим,
как приличествует брату: кто хорош, тот и стыдится.

Ты скажи, чего хрипишь ты, водишь красными глазами?
Кем обижен ты? Что хочешь? Верную вернуть супругу?
Я такую не доставлю. Сторожил её ты скверно.
Что же, за твои несчастья мне платить, хоть я безвиновен?
Не моё тебя терзает честолюбье, а в объятья
ты красивую супругу заключить спешишь, отринув
честь и разум. Низкий духом ищет низких удовольствий.
Если я, ошибку сделав, снова стал благоразумным,
то безумен я? Ты хуже: скверное утратив ложе,
ты вернуть его желаешь, волей пользуясь богини.
Клятву дали Тиндарею похотливые безумцы,
женихи – но я уверен, что надежда есть богиня,
и она свершила это, а не ты с твоею силой –
вот веди их и сражайся! Все по глупости готовы.
Божество не бестолково, но прекрасно различает
клятвы, данные превратно или же по принуждению.
Я детей своих не трону, ты не будешь веселиться,
не уважив справедливость, наказав жену дурную,
а меня в слезах оставив, чахнувшим и дни, и ночи,
беззаконно поступившим со своими же детьми!
Всё тебе растолковал я – просто, коротко и ясно:
если разуму не внемлешь, сам дела свои улажу.

Хор

Отлично это от произнесённых раньше
речей, но всё-таки детей шадить похвально.

Мен.

Ай-ай, друзей себе не приобрёл я, бедный!

Аг.

Друзей своих ты сам желаешь погубить.

Мен.

Как ты покажешь, что у нас родитель общий?

Аг.

Делить с тобой желаю разум, а не зло.

Мен.

Друзьям с друзьями сообща страдать пристало.

Аг.

Ты просьбами добро мне делай, а не мучь!

Мен.

Итак, ты пострадать не хочешь за Элладу?

Аг.

Больна Эллада, как и ты. Так хочет бог.

Мен.

Хвались же скипетром своим, предатель брата!

А я пойду и отыщу другие средства,
найду других друзей.

ВЕСТНИК

Вождь эллинских отрядов,
я дочь твою к тебе доставил, Агамемнон,
её ты дома Ифигенией назвал.
С ней мать её, твоя супруга Клитемнестра,
и сын Орест: увидеть их ты будешь рад,
пробыв такое время долгое вне дома.
Устали ехать женщины, и остужают
изящные ступни в источнике прекрасном,
а рядом лошади: на луг мы травянистый
их отпустили, чтоб они там попаслись.
Я прибежал, тебя желая подготовить.
Уж армии известно, ведь молниеносно
разнёсся слух, что дочь твоя теперь с тобою,
и целая толпа на зрелище бежит,

с намереньем увидеть дочь твою: счастливы
меж всеми смертными любимы и заметны.
Все спрашивают: «Свадьба будет? Или что же?
По дочери скучая, Агамемнон-вождь
призвал её?» Ты от иных услышишь также:
«А девушку-то посвящают Артемиде,
Авлиды госпоже. Но кто берёт невесту?»
Давай носи уже корзины для обряда,
венки пора надеть, а ты, царь Менелай,
гимн свадебный учи, пускай в шатрах играет
точёный лотос, раздаётся топот ног:
какой же это день для девушки счастливый!

Аг. Ну, вот и хорошо. А ты в шатёр отправься,
всё прочее судьба расставит по местам.
Ах, что скажу я, бедный? И начну откуда?
В какие пути принуждения попал я!
Подкралось божество, которое намного
хитрее оказалось хитростей моих.
Подчас происхожденье низкое полезно:
оно даёт возможность запросто поплакать
и говорить что хочешь – а благорождённым
во всём несчастье. Быть правителями жизни
обременительно, и мы рабы у черни.
Поэтому стыжусь я слёзы проливать,
стыжусь однако и не плакать, несчастливец,
погрязший с головой в немеренных невзгодах.
Пусть так. Но что же я скажу своей супруге?
И как приму её теперь? С каким лицом?
Она меня убила, в дополненье к бедам
незваной заявившись. Впрочем, надо быть ей
на свадьбе дочери, с любимейшим прощаясь.
Ей скоро будет ясно, что я за злодей.
А девушка, но в чём же девушка виновна?
Аид на бедной, видно, думает жениться –
как жаль её! Начнёт расспрашивать меня:
«Отец, меня убьёшь ты? Пусть таким же браком
и сам ты будешь связан, и твои друзья!»
А рядом и Орест зайдётся громким криком,
нескладно, но понятно. Он ещё младенец.
Ай-ай, меня сгубил, женившись на Елене,
Парис, Приама сын! Всё это он устроил!

Хор И я сочувствую, сколь должно чужестранке
о злополучиях тиранов горевать.

Мен. Руки твоей мне правой дай коснуться, брат.

Аг. Даю. Твоя победа. Я погряз в несчастьи.

Мен. Клянусь Пелопом, твоего и моего
отца отцом, клянусь родителем Атреем,
я раз и навсегда тебе открою сердце
и без притворства то, что думаю, скажу.
Когда сейчас в твоих глазах я видел слёзы,

то пожалел тебя и даже сам заплакал,
от прежних слов своих я ныне отступаюсь,
тебе я не опасен, я теперь с тобою.
Советую тебе я дочь не убивать
и мне ничем не жертвовать: несправедливо,
чтоб ты стонал, а я доволен был судьбой.
Чего хочу я? Разве трудно в брак завидный
вступить мне снова, если брака я желаю?
Сразу ли брата, кто мне меньше всех враждебен,
возьму Елену – вместо доброго дурное?
Я глуп и зелен был: теперь же, всё обдумав,
я начал понимать кошмар детоубийства.
К тому же состраданье к девушке несчастной
меня пронзило, ведь из рода одного мы,
а будет в жертву ради брака моего
принесена. Что общего у ней с Еленой?
Распущено пусть будет войско из Авлиды,
ты прекрати лицо слезами орошать
и доводить, родимый брат, меня до плача.
В то, что о дочери твоей сказал оракул,
я не вхожу: тебе свою я отдал долю.
Я изменился, речи страшные оставил,
как мне и должно. Из любви к родному брату
я стал другим. Не скверного мужчины это
поступки – следовать всегда тому, что лучше.

Хор

Слова, достойные Тантала, сына Зевса,
и благородные! Ты не бесчестишь предков!

Аг.

Спасибо, Менелай. Сомнению вопреки
слова ты выстроил и прямо, и примерно.
В раздоре братьев страсть излишняя виновна
и жадность при разделе дома. Я плюю
на то родство, что сторонам обеим горько!
Но мы зашли в тупик и совершить должны мы
кровавое убийство дочери моей.

Мен.

Как это? Кто тебя заставит дочь убить?

Аг.

Всеобщее собранье армии ахейцев.

Мен.

Ну нет, ведь ты её назад отправишь, в Аргос.

Аг.

Лишь это можно утаить, а не другое.

Мен.

А что другое? Ты толпы не слишком бойся!

Аг.

О прорицаньи скажет Калхас аргивянам.

Мен.

Умрёт – не скажет. Это нам легко устроить.

Аг.

Весь род пророков – зло, раздутое тщеславьем.

Мен.

Оно не лишне, но не очень-то и нужно.

Аг.

Ты не боишься ли того, о чём я мыслю?

Мен.

Откуда знать мне, если ты не говоришь?

Аг.

Ведь отпрыску Сизифа обо всём известно.

Мен.

Нет, нам с тобою Одиссеей не навредит.

Аг.

Хитёр он, и всегда с толпою вместе ходит.

Мен.

Он честолюбьем одержим, пороком страшным.

Аг.

Ты думаешь, не встанет он меж аргивян,

о калхасовых прорицаниях не скажет,
и как я жертву обещал, как обделил
богиню Артемиду? Войско распаляя,
не повелит ли аргивянам нас убить
и девушку прирезать? Если же я в Аргос
подамся, то придут, киклоповые стены
с землёй сравняют и страну мою разграбят.
Такие вот несчастья. Как же я страдаю,
в какую западню меня повергли боги!
Одно мне сделай, Менелай: пройди по войску,
чтоб Клитемнестра не узнала ничего,
пока своё дитя в Аид я не отправлю –
так, совершая зло, я меньше слёз пролью.
А вы молчание храните, чужестранки!

Хор

Счастливы те, что умеренно,
с благоразумьем божественным
делят ложе Афродиты,
пребывая в спокойствии,
без иступлённых, двояких жал
наслаждений: златовласый Эрот
на лук их натягивает,
одно для судьбы благодатной,
другое для гибели жизни –
но это я не пускаю в мою,
Киприда прекрасная, спальню!
Пусть будет моё наслаждение
умеренным, страсти же чистыми,
пусть Афродиту я восприму,
но избыток её отвергну.

Свойства различны у смертных,
нравы различны: но истинное
благо всегда очевидно.
Насыщение знанием
добродетель преумножает,
а в стыде заключается мудрость,
хранящая прелесть особую –
умом распознавать
должное, тогда и молва наделяет
славой немеркнувшей жизнь.
Великое дело – уловлять добродетель:
женщинам – скрытую покровом Киприды,
мужчинам же – мир многоликий
в порядке поддерживая
для большего процветания города.

Туда ты вернулся, Парис,
где был выкормлен, чтобы стать пастухом
серебристых идейских тельцов,

варварствуя на свирели, подражая
фригийским авлосам Олимпа
своим дутьём в соломинки,
пока паслись полновыменные коровы –
там предстоял тебе суд над богинями,
приведший тебя в Элладу.
Перед украшенным костью слоновой
троном Елены стоял ты
и глазами, в упор смотрящими,
пробудил в ней любовь и сам
был распалён любовью.
Оттого и вражду, вражду
Эллады, вооружённую копьями и кораблями,
ведёшь ты к цитаделям Трои.

О! Великим великое счастье!
Посмотрите на царскую дочку
Ифигению, нашу царевну!
Клитемнестра с ней, дочь Тиндарея!
Происходят они от героев
и вступают в безмерную радость.
Это – боги, кипящие силой,
несчастливым несущие благо!

Мы, Халкиды питомицы, встанем,
с колесницы воспримем царицу,
чтоб земля не казалась ей шаткой,
мы протянем заботливо руки,
чтоб, приехав едва, не робела
Агамемнона славная дочка.
Ни в смущение, ни в беспокойство
мы аргивянок этих,
как чужие чужих, не повергнем.

КЛИТЕМНЕСТРА

Счастливого нам это предзнаменование:
любезность ваша и приятные слова.
Надеюсь я, что для замужества благого
невесту привезла. Давайте, с колесницы
подарки свадебные дочери моей
снимайте и в шатёр несите осторожно.
А ты, дитя моё, сойди с повозки конной,
на землю нежной, слабой ноженькой ступи.
Эй, девушки, её вы на руки примите
и помогите ей спуститься с колесницы!
Подайте кто-нибудь мне руку для опоры,
чтоб я сидение покинула пристойно.
Вы, подойдите и погладьте лошадей,
а то глазами перепуганными водят.
Ребёнка, сына Агамемнона, возьмите,

Ореста – он совсем у нас ещё младенец.
Ты спишь, мой мальчик, укачался в колеснице?
Проснись, порадуйся на свадьбе у сестры!
Сам благороден, породнишься с человеком
достойным, богоравным сыном Нереиды.
А ты встань рядышком, у самых ног моих,
дочь Ифигения, и сделай мать счастливой
в присутствии вот этих женщин-чужестранок,
и поздоровайся с отцом своим любимым.
Вождь Агамемнон, досточтимейший супруг,
явились мы, твоим послушны приказаньям!

ИФИГЕНИЯ

Я, мама, обгоню тебя, ты не сердись,
бегу обнять отца, к его груди прижаться!
Отец, как хочется мне подбежать к тебе,
к твоей груди припасть: мы долго не видались!
Твоё лицо я жажду видеть, не сердись!

Кл. Да, дочка, так и нужно! Ты отца ведь любишь
сильнее всех детей, которых родила я.

Иф. Как рада я, отец! Была разлука долгой!

Аг. Рад и отец. Ты говоришь за нас обоих.

Иф. Как хорошо, отец, что ты послал за мною!

Аг. Не знаю, дочка, так ли это или нет.

Иф. Вот как...
Обеспокоен ты. А только что был рад мне.

Аг. Полно забот у полководца и царя.

Иф. Со мной побудь, а не с заботами своими.

Аг. Да весь я тут, с тобой, не где-нибудь ещё.

Иф. Разгладь любимое лицо, не хмурься больше!

Аг. Смотри: я весел, дочь. Я видеть рад тебя.

Иф. Поэтому из глаз текут ручьями слёзы?

Аг. Ведь нам разлука предстоит на долгий срок.

Иф. О чём ты, милый мой отец? Не понимаю.

Аг. Ты умно говоришь. Так больше жаль тебя.

Иф. Я глупой буду, чтобы стал ты веселее.

Аг. Как трудно мне молчать... Спасибо, дочь моя.

Иф. Отец, с детьми своими дома оставайся!

Аг. Хочу я, но мне горько, что хотеть нельзя.

Иф. Да сгинут копьё и обиды Менелая!

Аг. Они других погубят. Мне уже конец.

Иф. Ты долго пробыл в скрытых гаванях Авлиды.

Аг. Есть нечто, что войска мне выслать не даёт.

Иф. Скажи, отец: а где живут фригийцы эти?

Аг. Где лучше бы не жил Приамов сын, Парис.

Иф. Отец, ты далеко идёшь, меня бросаешь...

Аг. Ты, дочка, будешь там же, где и твой отец.

Иф. А!
Так чудно было бы отплыть с тобою вместе!

Аг. Плыть и тебе. Там будешь помнить об отце.

Иф. Отправлюсь в путь я с мамой или одиноко?
 Аг. Одна. Покинута и мамой, и отцом.
 Иф. Отец меня ты в дом другой вселяешь? Правда?
 Аг. Довольно! Девушкам не нужно это знать.
 Иф. Отец, устрой свои дела и брось фригийцев!
 Аг. Сначала тут я жертву должен принести.
 Иф. Обряд священный с благочестьем водит дружбу.
 Аг. Ты тоже будешь там, у самых чаш с водой.
 Иф. Отец, у алтаря мы, значит, потанцуем?
 Аг. Завидую я беззаботности твоей.
 Ступай в шатёр – на людях девушкам стоять
 нескромно – ну, целуй, дай правую мне руку:
 тебе ведь без отца так долго жить придётся.
 О грудь и щёки, и янтарный свет волос!
 Какой обузой стали нам фригийский город
 с Еленой! Хватит слов. Полны внезапной влагой
 глаза мои, когда к тебе я прикасаюсь.
 Иди в шатёр. А я прошу простить меня,
 потомок Леды, что я сетовал чрезмерно,
 предполагая дочку выдать за Ахилла.
 Блаженны выданья, но всё-таки терзают
 родителей, когда отец в дома другие
 шлёт дочерей, с таким трудом их воспитав.

Кл. Я не глупа. Поверь, меня всё это тоже
 заботит, так что наставлять меня не нужно,
 мне дочку-то вести под свадебные песни.
 Пожалуй, время и привычка нас утешат.
 Я знаю имя выбранного жениха –
 скажи мне, из какой семьи он и откуда?

Аг. Дочь Эгина отцом Асопом рождена.
 Кл. А с нею смертный или бог соединился?
 Аг. Сам Зевс. Эака он родил, вождя Ойноны.
 Кл. А имя сына и наследника Эака?
 Аг. Пелей. Женился он на дочери Нерея.
 Кл. По воле бога или вопреки бессмертным?
 Аг. Её сосватал Зевс, а выдавал родитель.
 Кл. А где на ней женился он? В морской пучине?
 Аг. В доме Хирона, под священным Пелионом.
 Кл. Где племя, говорят, Кентавров обитает?
 Аг. Вон там и отмечали брак Пелея боги.
 Кл. Фетида ли, отец ли вырастил Ахилла?
 Аг. Хирон. Вдали от нравов низменной толпы.
 Кл. Да?
 Мудр воспитатель, но отец ещё мудрее.

Аг. Такой вот будет муж у дочери твоей.
 Кл. Безукоризненный. Где он живёт в Элладе?
 Аг. У Апидановой реки, в пределах Фтии.
 Кл. Он нашу девочку туда и увезёт?
 Аг. Он господин её, пускай всё и решает.
 Кл. Желаю счастья им. В какой же день венчанье?

Аг. Когда луна вернётся полная, к удаче.
Кл. Уже заклал ты жертву первую богине?
Аг. Да собираюсь. Я как раз вот этим занят.
Кл. Затем ты дашь и брачный пир, немного позже?
Аг. Пожертвовав, что должен жертвовать бессмертным.
Кл. А где же мы для женщин брачный пир устроим?
Аг. Вон там, у дивнокормных кораблей аргивских.
Кл. Пускай, раз надо. Лишь бы всё прошло успешно.
Аг. Ты знаешь, женщина, что делать: повинуйся!
Кл. Зачем ты так? Тебя я слушаться привыкла.
Аг. Мы прямо здесь, куда и сам жених приехал...
Кл. Что сделаете вы – без матери невесты?
Аг. ...мы выдадим среди данайцев дочь твою.
Кл. А где же мне в то время нужно находиться?
Аг. Ты в Аргос поезжай, о дочерях заботься.
Кл. Оставить дочь? А кто же факел понесёт?
Аг. Я сам доставлю свет, пригодный брачной паре.
Кл. Да разве можно так обычаем умять?
Аг. Среди солдатни тебе вращаться неприлично.
Кл. Мне дочерей моих прилично выдавать!
Аг. А девушкам одним сидеть негоже дома.
Кл. Они на женской половине, под замком.
Аг. Покорствуй! Кл. Госпожа, аргивская богиня!..
Ты, муж, вне дома правь – а домом правлю я.
На свадьбах дочерей должна я находиться!
Аг. Эх, тщетны все труды... Был предан я надеждой,
желая с глаз моих супругу удалить.
Я всё лукавлю и людей, ко мне ближайших,
обманываю, и разбит я в пух и прах.
Однако с Калхасом-вещателем отправлюсь
и дам богине то, что для неё так ценно,
себе несчастье, а Элладе труд нелёгкий.
Кто мудр, тот славную и добрую жену
пусть держит в доме, или холост остаётся.

Хор Конечно, придёт к Симоенту
и водоворотам сребровидным
собрание эллинского войска:
на кораблях, с оружием
придёт в Илион, в троянскую
Фебову землю,
где Кассандра, я слышу,
вырвет золотые косы,
зеленолистным венком из лавра
увенчана, когда на неё повеют
неизбежные пророчества бога.

Встанут на цитаделях
Трои и вокруг стен
троянцы, когда меднощитный Арес

на судах прекрасноносых,
гребя по морю, приблизится
к руслам Симоента –
Елену, сестру живущих в эфире
двоих Диоскуров,
увезти от Приама желая
в землю Эллады с помощью
щитов и копий воинов ахейских.

Пергам, фригийцев город,
вокруг каменных стен
опоясав кровавой войной,
Арес перережет горла, головы оторвёт,
город Трою
разрушив до основанья,
заставив рыдать непрерывно
девушек и супругу Приама.
А дочь Зевса, Елена,
узнает, стена горько,
что значит бросать мужа.

Пусть ни мне, ни детям детей моих
никогда не будет ожидания такого,
с каким богатые золотом
лидийки и жёны фригийцев,
сидя у ткацких станков,
скажут одна другой:
«Кто же вытянет меня, как цветок,
за мои дивно сплетённые волосы
из распластанной, слёзной твердыни погибшей отчизны?»
Всё из-за тебя, дитя длинношеего лебедя,
если правдива молва,
что Леда тебя родила летучей птице,
когда тело Зевса было изменено –
или рассказы на пиерийских таблицах
людям такое внушают
не вовремя и понапрасну.

АХИЛЛ

Где тут командующий армии ахейцев?
Какой из слуг ему объявит, что Ахилл,
Пелея сын, его у входа ожидает?
Не одинаково нам у Эврипа медлить:
одни из нас, ещё не связанные браком,
дома покинув опустевшие, сидят
на берегу, другие в браке, но бездетны.
И что за страсть неодолимая к походу
Элладу мучит! Без богов не обошлось тут!
Я за себя имею право говорить,
другой же за себя пусть скажет, если хочет.

Фарсальскую покинув землю и Пелея,
среди слабых ветерков Эврипа я сижу,
смирив мирмидонцев, те же ропщут вечно:
«Ахилл, чего мы ждём? Какое время нужно
отмерить нам для илионского похода?
Есть дело? Действуй! Если нет – пошли домой!
Зачем ты ждёшь, пока сыны Атрея медлят?»

Кл. О сын богини Нереиды, из шатра,
слова твои услышав, я решила выйти.

Ах. Владычица Пристойность! Кто же предо мною?
Ещё не видел я таких красивых женщин!

Кл. Не удивительно, что ты меня не знаешь.
Мы не знакомы. Ты ведёшь себя отменно.

Ах. Но кто ты? И зачем ты здесь, в среде данайцев,
одна среди мужчин, щитами ограждённых?

Кл. Моя родительница – Леда. Клитемнестрой
меня зовут, а мой супруг – вождь Агамемнон.

Ах. Сказала ты что нужно. Кратко и по делу.
Но с женщинами говорить мне неприлично.

Кл. Постой – куда бежишь ты? – правой рукой
сожми мою, в залог счастливого венчанья!

Ах. Как так? Я – руку правую твою? Мне стыдно
пред Агамемноном чего не должно трогать.

Кл. Всё можно, потому что в жёны дочь мою
берёшь ты, сын морской богини Нереиды!

Аг. Дочь в жёны?! Женщина, я просто онемел!
Ты что, с ума сошла? О чём ты мне толкуешь?

Кл. Естественно стыдиться, родственников новых,
напомнивших о браке, в первый раз увидев.

Ах. Но, женщина, я дочь твою и не просил,
и речь о браке не вели со мной Атриды!

Кл. Да что же это, право! Вдумайся ты снова
в мои слова – твои меня ошеломляют.

Ах. Не удивительно. Что ж, вдумаемся вместе:
мы одинаково обмануты словами.

Кл. Какой кошмар! Ведь я устраиваю брак
несуществующий, похоже. Как мне стыдно!

Ах. Наверно, кто-нибудь сыграл над нами шутку.
Забудь и в голову всё это не бери!

Кл. Прощай! Я не могу в глаза тебе смотреть:
теперь я лгунья, пострадавшая безвинно!

Ах. И ты прощай! Пойду я, твоего супруга
попробую найти в каком-нибудь шатре.

Ст. Чужеземец, внук Эака, подожди, тебя прошу я,
сын, богинею рождённый! Подожди и ты, дочь Леды!

Ах. Кто там прячется за дверью? Как дрожит от страха голос!

Ст. Раб, и этим не горжусь я, мне судьба не позволяет.

Ах. Чей же ты? Не мой – нам нечем с Агамемноном делиться.

Ст. Этой женщины у входа. Ей подарен Тиндареем.

Ах. Ладно. Говори, что хочешь, раз меня остановил ты.

Ст. Вы сейчас и в самом деле у ворот одни стоите?
Ах. Мы одни тут. Выходи же к нам из царского жилища!
Ст. О, Судьба и дальновидность! Тех, кого хочу, спасите!
Ах. Речь ещё не скоро будет. Сколько пышных предисловий!
Кл. Клятвы ты не дожидайся. Говори скорей что нужно!
Ст. Ты ведь знаешь, как я предан и тебе самой, и детям?
Кл. Знаю, что слуга ты старый, во дворце моём живущий.
Ст. Что меня с твоим приданым получил вождь Агамемнон?
Кл. Ты со мною прибыл в Аргос и всегда принадлежал мне.
Ст. Это так. Тебе я предан, твоему супругу – меньше.
Кл. Ну давай, теперь откройся! Говори нам, что скрываешь!
Ст. Дочь твою собственноручно умертвит её родитель!
Кл. Как? Ты, старый, помешался? Речь твою я презираю!
Ст. Он мечом бедняжке пустит кровь по шее белоснежной!
Кл. Как мне дурно... Неужели муж мой разума лишился?
Ст. В нём для всякого есть разум, кроме дочери с женою.
Кл. Но зачем? Какой дух мести подчинил его рассудок?
Ст. Суждено так, молвит Калхас, если войску надо выйти.
Кл. Но куда же? Я пропала! Доченька... рукой отцовой...
Ст. Ко дворцу Дардана, чтобы Менелай вернул Елену.
Кл. Как же так: возврат Елены Ифигению погубит?
Ст. Ты всё знаешь. Артемиде дочь пожертвует родитель.
Кл. Этот брак – всего лишь повод выманить меня из дома?
Ст. Чтоб ты радостно примчалась дочь свою венчать с Ахиллом.
Кл. Дочь, явилась ты погибнуть вместе с матерью своею!
Ст. Обе вы достойны плача. Зло задумал Агамемнон.
Кл. Я, несчастная, пропала! Слез уже не удержать мне!
Ст. Да, детей лишаться тяжко. Невозможно без рыданий.
Кл. Ты скажи, старик, откуда ты узнать сумел от этом?
Ст. Относил тебе письмо я про недавнее посланье.
Кл. Дочь веля везти на гибель или запрещая это?
Ст. Запрещая. Лишь на время был твой муж в рассудке здравом.
Кл. Раз письмо ты нёс, зачем же ты его не передал мне?
Ст. Этих горестей виновник, Менелай, его присвоил!
Кл. Сын Пелея, Нереиды! Разве ты не слышишь это?
Ах. Слышал я, что ты несчастна. Нелегко и мне, однако.
Кл. Дочь мою хотят зарезать, заманив сюда венчаться!
Ах. Разозлил меня супруг твой. Это так я не оставлю.
Кл. Стыд меня не остановит – припаду к твоим коленям,
чадо смертное богини! Для чего превозноситься?
Что трудов моих достойно, как не собственный ребёнок?
Помоги мне, сын богини, помоги мне в этом горе:
дочь моя, пускай и ложно, но звалась твоей супругой!
На неё венок надела, привела к тебе венчаться –
привела её к ножу я! Всё тебе упрёком будет,
ведь её не защитил ты. Хоть и браком с ней не связан,
всё равно ты звался мужем бедной девушки любимым!
Бородой твоей, десницей, матерью твоей молю я,
именем твоим убита – им спасти меня ты должен,
нет иного алтаря мне, кроме твоего колена,

нет со мной улыбки друга! Слышишь ты, что Агамемнон – дикий зверь, на всё готовый! Хоть я женщина, но, видишь, флот наша неукротимый, на любое зло способный, но полезный, если нужно. Нас прикрой своей рукой, и тогда мы все спасёмся. Если нет, то не спасёмся!

Хор

Мы околдованы рождением детей,
за них страдания любой родитель примет.

Ах.

Высокомудрый дух мой просится вперёд,
но я умею и на зло негодовать,
и всплескам счастья радоваться без излишеств.
Такие смертные решенье принимают
жизнь правильно прожить, исполненную зная.
Приятно иногда не погружаться в мысли,
но иногда полезно голову иметь.
Благочестивейшим воспитан был я мужем,
Хироном, и держать себя научен просто.
Атридам, если нас ведут они достойно,
я повинуюсь, если недостойно – нет.
И здесь, и в Трое нрав свободный сохраню я
и Ареса по мере сил почту копьём.
Тебя, истерзанную близкими твоими,
насколько можно молодому человеку,
я состраданьем оберну и успокою.
Не будет дочь твоя отцом умертвлена,
моей невестой став, и для плетенья козней
я мужу твоему себя не предоставлю.
Моё ведь имя, хоть ножа я и не поднял,
зарежет дочь твою. А виноват во всём
супруг твой. Тело чистым уж моё не будет,
когда из-за меня и брака моего
погибнет девушка в невыносимых муках,
немыслимо, безвинно чести лишена.
Тогда из аргивян я – трус наиподлейший,
пустое место, Менелай среди мужей,
не Пелеид, а сын отмщающего духа,
чьё имя в палачах у мужа твоего!
Клянусь Нереем, вскормленным в пучине влажной,
родителем Фетиды, матери моей:
вождь Агамемнон пальцем дочь твою не тронет
и даже к пеплосу её не прикоснётся!
Иначе разрастётся варварский оплот –
Сипил, откуда полководцы происходят,
и названо нигде не будет имя Фтии.
Водой и горьким ячменём начнёт обряд
вещатель Калхас. Да и кто такой вещатель?
Кто много лжи наговорит и мало правды,
когда везёт. Когда же нет – спешит исчезнуть.
Совсем не ради брака – тысячи невест
мечтают обо мне – всё это говорится:
вождь Агамемнон поступил со мною нагло.

Он должен был просить моё расставить имя,
как сеть, для ловли девушки! А Клитемнестра
была убеждена, что мне везёт невесту!
Я греков бы уважил, если к Илиону
лишь это бы открыло путь. Я не ушёл бы
от дела общего соратников моих.
Теперь же я ничто, и нипочём вождам
со мной то хорошо, то плохо обращаться!
Мой меч – свидетель: до прибытия к фригийцам
его я запятнаю алой кровью мёртвых,
пусть только дочь твою отнимут у меня!
Ты успокойся. Богом я тебе явился
великим. Я не бог, но скоро я им стану!
Слова, Пелеев сын, достойные тебя
и госпожи морской, богини досточтимой!

Хор

Кл.

Увы...
Как мне избегнуть неумеренных похвал,
как недостатком их тебя не оттолкнуть?
В достойных людях возникает отвращенье,
когда хвалящие их слишком превозносят.
Навязывать мне стыдно жалкий свой рассказ,
одна больна я, ты не болен этим горем.
Красиво выглядит, когда хоть отдалённый,
но дельный человек несчастным помогает.
Над нами сжалуйся, мы горько пострадали!
Во-первых, думая, что ты мой зять, пустую
питала я надежду. Во-вторых, стать может
для будущей твоей женитьбы злой приметой
смерть девочки моей. Ты должен остеречься!
Ты славно начал речь и славно завершил:
раз ты так захотел, то дочь моя спасётся.
Дай знак – и к твоему колену припадёт.
Так девушки не делают, но, если нужно,
придёт, стыдясь, и на тебя посмотрит прямо.
Но если без неё сама смогу добиться...

Ах.

Кл.

Ах.

В шатре пусть будет. Ценят ценящих себя.
Стыдиться нужно, если есть на то возможность.
Ты дочь свою не выводи ко мне. Невеждам
не надо, женщина, давать к упрёкам повод,
ведь праздная толпа солдат, вдали от дома,
разгорячается злословием и сплетней.
Вы всё равно того же самого добьётесь,
моля меня и не моля. Тягчайший труд
теперь мне предстоит – избавить вас от бедствий.
Послушай, я не стану лживо говорить:
тебе солгав, тебя унизив, пусть умру я!
А если дочь твою спасу, пусть не умру!

Кл.

Ах.

Кл.

Будь вечно счастлив, помогающий несчастным!
Так слушай, чтобы дело кончилось успешно.
О чём желаешь ты сказать? Я вся вниманье.

Ах. Давай отца мы образумиться упросим.
Кл. Он трусоват и слишком армии боится.
Ах. Но наши доводы преодолеют страх.
Кл. Надежда тщетная. Приказывай, что делать.
Ах. Сначала умоляй, чтоб дочь не убивал,
а воспротивится – ко мне иди немедля.
Склонив его к желанному, вы упраздните
моё вмешательство. Спасётесь и мольбами.
С моим союзником тогда я обойдусь
пристойней, избегу и порицаний войска,
обдуманно уладив дело, а не силой.
И всё закончится, на радость и тебе,
и всем твоим родным, без моего участия.
Кл. Как мудро ты сказал! По-твоему пусть будет.
Но если я желаемого не добьюсь,
где снова я тебя увижу? Где мне, бедной,
искать руки твоей, защитницы от зол?
Ах. Я буду бдительным, раз есть необходимость,
чтоб не видал тебя никто бегущей в страхе
по скопищу данайцев. Не позорь ты дом
отцовский. Гиндарей негодных пересудов
никак не заслужил: он славный муж в Элладе.
Кл. Пусть так. Повелевай! Мне нужно стать рабыней.
И если боги есть – ты, правый муж, от них
получишь блага. Если нет – зачем трудиться?

Хор Что за возглас ответил гимну свадебному
под ливийскую флейту из лотоса,
под кифару, хороводы любящую,
и свирель тростниковую,
когда на Пелион прекрасноволосые
Пиериды пришли – пировать с богами
и след золотых сандалий
на земле оттиснуть,
и на свадьбе Пелея
мелодичными звуками Фетиду и Эакида
прославить в горах кентавровых,
в лесу пелионском?
А потомок Дардана, зевсовой
постели услада милая,
в золотые полые чаши
черпал вино из кратеров,
Ганимед фригийский.
И на светлоблестящем песке,
кружась в хороводе,
пятьдесят дочерей Нерея
водили свадебный танец.

Опираясь на белые пихты, в зелёных венках
пришла толпа всадников-

кентавров к пиршеству богов
и кратеру Вакха,
воскликая громко: «Дочь Нерея,
сын у тебя родится, Фессалии свет яркий –
такие слова произносил
прорицатель Хирон,
знающий песнь, вдохновлённую Фебом –
и он придёт с мирмидонцами, несущими
копья и щиты, Приама славную
землю выжечь огнём,
и тело его будет защищено
золотыми доспехами,
сделанными Гефестом,
дарованными богиней-матерью,
Фетидой, его родившей!»
Счастливым тогда божества
сделали брак благородной невесты,
первой из Нереид,
и Пелея под свадебные напевы.

Тебе же венок аргивяне наденут на голову,
на твои прекрасно заплетённые локоны,
как на пёструю,
из пещер скалистых пришедшую
телицу нетронутую, смертное
горло твоё окровавить готовясь:
но ты выросла не под звуки свирели
и посвисты пастухов,
а при матери, мечтавшей тебя нарядить
для венчания с Инахидами.
Где же Пристойность или Добродетель
являют лицо своё властное,
когда нечестивое наделено
силой, а Добродетель позади остаётся,
смертными пренебрегаема,
когда Беззаконье законами правит
и смертные сообща не пытаются
зависть богов отвратить?

- Кл. Я вышла из шатра и ожидаю мужа,
давно не бывшего уже под этим кровом.
Слезами дочка заливаётся, бедняжка,
перебирая многие лады рыданий,
про смерть свою услышав, замысел отцовский.
Но упомянутый уже подходит близко,
тот самый Агамемнон, кто, с детьми своими
творя нечестье, вскоре будет уличён.
- Аг. Потомок Леды, хорошо, что возле входа
тебя нашёл я! Так без девушки открою
то, что невестам не положено слышать.

Кл. Ну, для чего тебе удобный случай выпал?
Аг. Ты нашу дочку из шатра веди к отцу:
вода готова и ячмень уже нам нужно
бросать руками в очистительный огонь,
должны пред свадьбой для богини Артемиды
телицы падать, задыхаясь чёрной кровью.

Кл. Слова твои прекрасны, но дела твои...
уж и не знаю, как назвать мне их пристойно.
Дочь, выйди из шатра – тебе и так известно
про замыслы отца – и брата своего
неси, Ореста. Заверни младенца в пеплос.
Смотри, вот и она, послушная тебе:
о прочем я поговорю за нас обеих.

Аг. Дитя, чего ты плачешь и не рада мне,
глаза упёрла в землю, пеплосом прикрылась?

Кл. А...
С чего начать рассказ о бедствиях моих?
Любое место может стать в моём рассказе
началом, окончанием или серединой.

Аг. Да что такое с вами? Все вы заодно:
и в замешательстве, и с ужасом во взгляде!

Кл. Ответь мне, муж, как благородный человек.

Аг. Меня не надо побуждать. Я рад вопросам.

Кл. Ты нашу дочь не собираешься прирезать?

Аг. Что?!!
Как ты посмела даже думать про такое!

Кл. Молчи!
И отвечать изволь на заданный вопрос!

Аг. Прилично спрашивай, приличное услышишь.

Кл. Другого не спрошу, ты тоже не вилай!

Аг. Владычица Судьба, и Случай, и мой демон!

Кл. И мой, и вот её! Один – троих несчастных.

Аг. Ты чем обижена? Кл. Ты правда хочешь знать?

Аг. Не разум у меня – сплошное неразумье.
Совсем погиб я! Стали явными все тайны!

Кл. Известно мне, что ты со мною хочешь сделать.
Свидетельство – твоё молчание и стоны,
поэтому не утруждай себя словами.

Аг. Смотри, уже молчу я. Нужно ли бесстыдство
обманными речами связывать с несчастьем?

Кл. Так слушай же. Я выражаться буду ясно,
загадочных намёков не употребляя.
Во-первых, ты (и первый в том тебе упрёк)
в мужья мне навязался, взял меня насильем,
супруга моего, Тантала, умертвив.
Ребёнка моего по жребии присвоил
и от груди моей ты оторвал жестоко.
Мои же братья, дети Зевсовы, к тебе
помчались на конях, доспехами сверкая,
но Тиндарей, отей мой старый, спас тебя,

молящего, и ты на мне тогда женился.
Ты сам свидетель: стала я, с тобой смирившись,
безукоризненной хозяйкой и женой.
Я с Афродитою была благоразумна
и так вела твой дом, что ты сиял от счастья,
ступая на порог, и уходил довольный.
Добыча редкая – поймать жену такую,
поскольку женщина негодная – не редкость.
Я родила трёх дочерей тебе и сына
вот этого. И ты отнять одну посмеешь!
А спросит кто-нибудь: «Зачем её погубишь?»
Скажи, как ты ответишь? Нет, сама скажу я:
«Чтоб Менелай вернул Елену.» Превосходно!
Детьми за женщину поганую платить
и ненавистнейшему жертвовать милейшим!
Ну, воевать уйдёшь, меня оставив дома,
и если твой поход растянется надолго,
подумай обо мне, с каким я стану сердцем
смотреть на каждый стул, незанятый вот ею,
на девичью пустую, как в слезах я буду
сидеть одна, её оплакивая вечно?
«Убил тебя, дитя, родитель твой, отец твой!
Он сам, никто другой, ничьей другой рукою
такую плату своему оставил дому!»
Лишь малое потребуется оправданье,
когда мы с дочерьми, которые остались,
тебя приветим в доме по твоим заслугам.
Молю богами: не толкай меня на злое
во вред себе же, да и сам не будь злодеем!
Ну хорошо...
Дочь в жертву принося, кому молиться будешь?
Просить какого блага, нож в дитя вонзая?
Возврата мерзкого из гадкого похода?
И правильно ль, чтоб я тебе желала блага?
Пустоголовыми богов мы не сочтём ли,
доброжелательствуя собственным убийцам?
Вернувшись в Аргос, ты детей своих обнимешь?
По праву ли? Да на тебя никто не взглянет,
чтоб ты кого-нибудь из них не начал резать!
Подумал ты об этом? Или этот скипетр
таскать и быть вождём – одна твоя забота?
Тебе сказать бы с полным правом аргивянам:
«Вам хочется, ахейцы, плыть в страну фригийцев?
Тяните жребий, чей ребёнок будет заклан!»
Так было б справедливо, а не делать жертвой
свою же дочь для процветания данайцев.
Пусть Гермionу из-за матери её
зарежет Менелай, его ведь это дело!
Но разве можно мне, твоей супруге верной,
терять ребёнка, чтоб спартанская блудница

и дочь имела, и жила в счастливом браке?
Ответь мне, если я неправильно сказала,
но если правильно, то дочь не убивай,
ведь мы её родили, будь благоразумен!

Хор
Иф.
Внемли ей, Агамемнон! Как прекрасно вместе
спасать детей! Никто из смертных тут не спорит.
Отец мой, если бы могла я, как Орфей,
так петь волшебю, чтобы скалы шли за мною,
и завораживать кого хочу словами,
я б это сделала. Но вся моя премудрость –
лишь эти слёзы, и тебе я подарю их.
Я, ветвь оливы, обняла твои колени
всем телом, для тебя женой твоей рождённым:
ты не губи меня безвременю! Так сладко
глядеть на свет! Не направляй мой взор под землю!
Я первая сказала «папа», ты мне – «дочка»,
я первая взбиралась на твои колени,
лучась от радости, в твоём купаясь счастье.
Ты говорил мне, помню: «Я тебя, ребёнок,
увиджу ль в доме твоего счастливца-мужа,
как ты цветёшь, как ты живёшь меня достойно?»
А я ответ, за подбородок твой хватаясь,
который и сейчас держу своей рукою:
«Мне доведётся ли, когда ты будешь старым,
тебя, отец, принять в моём радушном доме,
воздав тебе за все труды, за всю заботу?»
Я помню до сих пор всё сказанное нами,
а ты забыл и умертвить меня желаешь.
Молю Пелопом, и отцом твоим Атреем,
и матерью, меня мучительно рожавшей
и принимающей теперь вторые муки!
Замешана я разве в браке Александра
с Еленю? Отец, за что меня он губит?
Взгляни на нас, и память взглядом, поцелуем
наполни, пусть возьму в могилу я хоть это,
слова мои тебя совсем не убеждают...
Мой брат, ещё ты мал, родным ты не защитник,
но плачь со мной, моли отца не быть жестоким,
сестру твою не убивать: ведь есть в младенцах
врождённое предошущение несчастий!
Смотри, отец, тебя молчанием он молит!
Ты пожалей меня и жизнь мою помилуй!
За подбородок твой хватаемся мы оба:
сыночек твой, птенец, и выросшая дочка.
Сильней всех возражений довод мой последний:
приятнее всего свет солнца видеть людям,
а мёртвые – ничто. Безумен тот, кто хочет
погибнуть. Жизнь плохая лучше славной смерти.

Хор
Несчастливая Елена, ты и брак твой ввергли
Атридов с их детьми в такое испытанье!

Аг. Я знаю, что достойно жалости, что нет.
Люблю детей своих. Ведь я не сумасшедший.
Мне, женщина, пойти на это дело страшно
и страшно не пойти. Я должен это сделать!
Взгляните: армия ограждена судами,
как много греческих вождей в доспехах медных!
Не дам я подступить им к башням Илиона,
не дам разрушить Трои чуждые подножья,
как молвит Калхас, не пожертвовав тобою.
По мановению какой-то Афродиты
безумно к варварским пределам рвутся греки,
чтоб греческих супруг хищенья прекратились.
Пойдут на Аргос, дочерей моих зарежут,
меня и вас, коль отменю слова богини.
Не Менелай меня поработил, дитя,
а Греция, и ей, хочу ли, не хочу ли,
ты жертвой станешь. Все мы менее важны.
Она свободна, но настолько лишь, дитя,
насколько хватит наших сил, чтоб чужеземцам
не позволять постели греков разорять.

Кл. О дитя, о чужестранки,
как я смертью твоею убита!
Он ушёл, дочь предав Аиду...

Иф. Мама, мама, мелодия эта
от судьбы нам обеим досталась.
Нет мне больше ни света,
ни сияния солнца.

Увы, увы!
Снежная долина фригийцев,
Идовы гребни, где Приам
бросил однажды младенца нежного,
унеся его далеко от матери
к участи смертной –
Париса: его идейским, идейским
прозвали, прозвали во фригийском городе;
если бы только не оставил он
Александра расти пастухом,
окружённым коровами
и кристальной водою, где родники
нимфовы пролегают
и луг стелется, цветущий ростками
зелёными, розовыми,
цветками гиацинтов, чтоб их срывали богини: туда
пришли однажды Паллада, и коварная Киприда,
и Гера с Гермесом, Зевса вестником;
кичилась внушаемой ею страстью
Киприда, Паллада – копьём,
а Гера – Зевса-властителя

ложем царским;
пришли они на суд ненавистный, на спор
о красоте – и на смерть мою,
несущую славу дочерям данайским,
девушки: первую жертвой взяла меня
Артемида за Илион.
Родивший меня, жалкую,
мама, мама,
уходит, в пустыне покинув меня.
Несчастнейшая, на беду свою,
на беду я увидела горестную Елену,
убиваема, уничтожаема
нечестивым закланьем отца нечестивого.

Если бы кормила судов медноносых
эта Авлида не приняла
в гавани здешние, к Трое
вёсла сосновые провожая,
если бы не пустил по Эврипу
Зевс дуновение встречное, взвивая
разный ветер для разных смертных:
одним – радость под парусами,
другим – огорченье, тем – принужденье,
тем – в путь отправляться, тем – сворачивать паруса,
иным же – медлить.
Воистину многострадален наш род, многострадален,
род однодневных людей, которым злосчастье
обретать суждено!
О!
Тяжкие муки, тяжкие стоны,
на дочерей данайских возложила дочь Тиндарея!

Хор Тебе я сострадаю, горькую беду
терпящей: очень жаль, что ты в неё попала!
Иф. Ах, родительница-мама, к нам толпа людей подходит!
Кл. Дочь, Ахилл то, сын богини – ты к нему сюда явилась.
Иф. Дверь откройте мне, служанки, чтобы спрятаться смогла я!
Кл. Дочь, зачем ты убегаешь? Иф. Стыдно видеть мне Ахилла.
Кл. Почему? Иф. Мой брак несчастный мне становится укором.
Кл. Устраняет эту роскошь то, что ныне приключилось.
Стой! Какая уж тут гордость. Нам ведь нужно попытаться...
Ах. Злополучная дочь Леды... Кл. Ты не лживо начинаешь.
Ах. ...угрожают аргивяне... Кл. Угрожают чем? Поведай!
Ах. ...дочь твою... Кл. Звучит всё это предзнаменованием горя!
Ах. ...нужно им теперь резать... Кл. И никто не возражает?
Ах. ...да и мне они кричали... Кл. Что кричали, чужестранец?
Ах. ...что побьют меня камнями. Кл. Если дочь спасти решишься?
Ах. Именно. Кл. Кому же хватит смелости тебя коснуться?
Ах. Грекам всем. Кл. А мирмидонцев разве не было с тобою?
Ах. Были – злейшими врагами. Кл. Доченька, так мы погибли!

Ах. Назван прихвостнем я брачным. Кл. Что же ты в ответ сказал им?
Ах. Не губить мою невесту... Кл. Ты ответил справедливо.
Ах. ...что отец её был сватом. Кл. И велел покинуть Аргос.
Ах. Но меня перекричали. Кл. Да, толпа – сплошное горе!
Ах. Помогу тебе я всё же. Кл. Выйдешь ты один на многих?
Ах. Вот мои оруженосцы. Кл. Будь твой дух благословенным!
Ах. Будет мне благословенье. Кл. Значит, дочку не зарежут?
Ах. Нет, покуда я противлюсь. Кл. Кто-нибудь придёт за нею?
Ах. Тысячи – за Одиссеем. Кл. Порождением Сизифа?
Ах. Да, им самым. Кл. А придёт он добровольно? Выбран войском?
Ах. Добровольно выбран. Кл. Жутко назначать себя убийцей!
Ах. Но его остановлю я. Кл. Он её потащит силой?
Ах. Да, за косы золотые. Кл. Что тогда мне нужно делать?
Ах. Ухватись за дочь покрепче. Кл. Этим нож остановить бы!
Ах. Нам лишь это остаётся. Иф. Мама! Слушайте вы оба,
что скажу я! Очевидно, ты напрасно держишь злобу
на супруга: невозможно неподъёмный груз нести нам.
Следует сказать спасибо незнакомцу за усердие,
но смотри, чтоб он у войска ненависть к себе не вызвал:
этим нам он не поможет, лишь себе создаст несчастье.
Выслушай, что я решила, обо всём размыслив, мама!
Суждено, что я погибну. Это сделать я желаю
благородно, прочь отринув низменные побужденья.
Мама, ты со мной подумай, говорю ведь я пристойно:
вся великая Эллада на меня теперь взирает,
от меня одной зависят и поход, и смерть фригийцев –
женщин будущих спасу я, чтоб их варвары не крали,
забирая их насильно из Эллады благодатной,
пусть заплатят за Елену, увезённую Парисом!
Это всё своей я смертью выкуплю, мою же славу
вся свободная Эллада сделает непреходящей.
Да и, право, мне не стоит слишком быть жизнелюбивой:
ты меня для всей Эллады родила, не для себя лишь.
Тысячи мужей отважных, ограждаемых щитами,
тысячи гребцов решатся оскорбление отчизны
выместить на вражьей силе и погибнуть за Элладу,
жизнь единственная разве станет этому помехой?
Разве это справедливо? Чем сумеем возразить мы?
Более того: не стоит мужу этому со всеми
аргиевцами сражаться, быть за женщину убитым.
Жизнь мужчины драгоценней, чем десяток тысяч женщин!
Если хочет Артемида взять сегодня это тело,
как я, смертная, осмелюсь воспрепятствовать богине?
Тщетным было бы старанье: тело я отдам Элладе.
Жертвуйте! Разрушите Трою! В этом долгая мне память,
и замужество, и дети, и немеркнущая слава!
Нам над варварами править, а не варварам над нами:
те живут рабами, мама. Эллины одни свободны!
Дитя, твоё намерение благородно:
судьба твоя больна, и вместе с ней богиня.

Хор

Ах. Дочь Агамемнона, меня счастливым сделать хотел какой-то бог, тебя мне проча в жёны. Прекрасна ты Элладой, и тобой Эллада, и родины твоей слова твои достойны! Борьбу с богиней прекратив, тебя сильнейшей, ты выбрала что нужно и необходимо. Желанье брака мной сильней овладевает, твоя душа открылась мне – ты благородна! Смотри: тебе услугу оказать хочу я, введя в свой дом. Мне больно, пусть Фетида знает, что не спасу тебя, с данайцами в сражение вступив. Подумай хорошенько: смерть ужасна.

Иф. Я говорю, <не чувствуя ни капли страха.> Довольно нам, что Тиндарида соблазняет людей на битвы и убийства. Чужестранец, не гибни за меня и кровь не проливай, позволь спасти Элладу, если хватит силы.

Ах. Отважный дух, мне нечего тебе ответить, раз ты считаешь это нужным. Благородны такие мысли. Для чего бежать от правды? Ты можешь, впрочем, изменить своё решение, поэтому меня внимательно послушай. У алтаря своё оружие положу я, чтоб воспрепятствовать погибели твоей. Мои слова тебе, пожалуй, пригодятся, когда у горла своего ты меч увидишь. Не дам тебе я умереть по неразумью – придя во всеоружьи к алтарю богини, там буду твоего прихода ожидать.

Иф. Но, мама, почему же ты молчишь и плачешь?
Кл. Есть повод у меня, несчастной, для печали.
Иф. Оставь, не расхолаживай меня. Послушай...
Кл. Что ж, говори. Тебя ничем я не обижу.
Иф. Ты локон своих волос не отрезай и чёрным пеплосом, прошу, не одевайся.

Кл. О чём ты, дочь? Потом, когда тебя лишусь я?
Иф. Не так. Спасусь я, ты прославишься со мною.
Кл. Как это? Значит, по тебе не надо плакать?
Иф. Не надо, ведь курган не будет мне насыпан.
Кл. Умершим разве не положена могила?
Иф. Мой памятник – алтарь богини, дочери Зевса.
Кл. Всё выполню, дитя. Ты говоришь прекрасно.
Иф. Я счастлива, что послужить могу Элладе!
Кл. А что твоим родимым сёстрам сообщу?
Иф. Пусть и они там чёрных пеплосов не носят.
Кл. А что хорошего мне девушкам промолвить?
Иф. «Прощайте.» Для меня ты вырасти Ореста.
Кл. Возьми его. В последний раз его ты видишь.
Иф. Мой милый! За родных, как мог, ты заступился!
Кл. Что в Аргосе я для тебя смогла бы сделать?

Иф. Отца не проклинай, супруга твоего.
Кл. Из-за тебя ему придётся настрадаться!
Иф. Меня он погубил невольно, за Элладу.
Кл. Уловкой. Подло и Атрея недостойно.
Иф. Кто выведет меня, чтоб волосы не рвали?
Кл. Я буду рядом... Иф. Нет, не то ты говоришь.
Кл. ... за пеплос твой держась. Иф. Меня послушай, мама!
Останься здесь: так лучше и тебе, и мне.
Один из слуг отца пускай меня проводит
на луг богини Артемиды, где умру я.
Кл. Уходишь, дочь? Иф. И не вернусь уже я больше.
Кл. Покинешь мать? Иф. И без вины твоей, как видишь.
Кл. Опомнись, не бросай меня! Иф. Не надо плакать.
Пропойте, девушки, в честь участи моей
пэан богине Артемиде, дочери Зевса,
и пусть данайцы помолчат благочестиво.
Откроют пусть корзины, и для очищенья
взыскрится пламень ячменём, и мой отец
пусть справа обойдёт алтарь, ведь я дарую
спасенье эллинам и приношу победу!

Ведите меня, Илиона
и фригийцев покорительницу.
Давайте венки, голову мне обвейте –
вот локон мой, чтобы алтарь увенчать –
несите воды родниковой!
Кружитесь возле святилища,
возле алтаря Артемиды,
владычицы Артемиды,
блаженной: если так надо, моей
кровью, моей жертвой
смою я прорицания!
Любимая, милая мама, слёзы мои
дам тебе я сейчас,
а при священном обряде их быть не должно.
Эй вы, девушки,
воспоём вместе к алтарю Артемиды,
стоящему напротив Халкиды,
где копья жаждут битвы,
моим именем разрешённой,
в авлидовых гаванях тесных.
Вы, мать-земля Пеласгия
и Микены родные...

Хор Призываешь ты город Персея,
тяжкий труд киклоповых рук?
Иф. ... вскормили меня, стала я светом Эллады.
Я не жалею, что умираю.
Хор Слава тебя никогда не покинет!
Иф. Увы, увы!
Факелоносный день,

Хор

Зевсовый светоч, иною жизнью
буду жить я, с иною судьбой!
Прощай, свет мой любимый!
Увы, вы!
Взгляните на неё, Илиона
и фригийцев покорительницу:
вот идёт она, чтобы венки на голову
возложить и умыться водой родниковой,
идёт к алтарю судьбоносной богини,
где, истекая кровавыми каплями,
умрёт, когда горло прекрасное
ей перережут. Отцовы ключи полноводные
и омовенья тебя ожидают,
и войско ахейцев, желающее
на град Илион пойти.
Итак, Зевсову дочь
восславим, Артемиду,
царицу богов, для исхода счастливого!
Госпожа, госпожа, человеческим жертвам
ты радуешься, так пошли во фригийскую
землю воинство эллинов,
к седалищам Трои коварным,
и дай Агамемнону на остриях копий
поднести Элладе славнейший венец
и голову свою
славой незабываемой увенчать!

Вестник

Дочь Тиндарея, Клитемнестра, выходи же
скорей из дома и послушай мой рассказ!

Кл.

Услышав голос твой, сюда я прибежала,
я вся дрожу, мне плохо, страх меня измучил.
Ты не явился ли, чтоб новую беду
прибавить к нынешней? Вест. О дочери твоей
несу чудесную, немислимую весть!

Кл.

Не медли же, давай рассказывай скорее!

Вест.

Ты всё узнаешь, дорогая госпожа.
Начну сначала я, чтоб мысль моя не сбилась
и не запутала язык повествованья.
Когда мы в рощу Артемиды, дщери Зевса,
вступили – рядом с цветоносными лугами,
где было собрано всё воинство ахейцев –
с твоею дочерью, то аргивян толпа
сошлась немедля. Агамемнон-вождь увидел
в той роще дочь свою, идущую на гибель,
и застонал, откинув голову назад,
и горько зарыдал, у глаз держа свой пеплос.
Она к родителю приблизилась тогда
и молвила: «Отец, я тут, с тобою рядом.
Я собственное тело за свою отчизну,
за всю Элладу добровольно отдаю:

меня ведите, к алтарю богини жертвой
кладите, если так пророчество велит.
Желаю всей душой, чтоб вам была удача,
победный дар и возвращение домой.
Никто из аргивян меня да не коснётся!
Сама подставлю горло, молча и не дрогнув.»
Сказала. Всякий, слыша девушку, дивился
такому мужеству, такому совершенству.
Средь нас Талфибий, приноситель жертвы, встал
и армию призвал к священному молчанью.
Вещатель Калхас в златобитную корзину
меч острый положил, своей рукою вынув
из ножен, и венок на девушку надел.
А сын Пелея обежал алтарь богини,
держа корзину и сосуд с водой священной,
и так сказал: «Дочь Зевса и зверей убийца,
кружащая в ночи свой лучезарный свет,
дар жертвенный прими, который предлагают
ахейцев армия и Агамемнон-вождь,
кровь незапятнанную с девственного горла,
позволь судам дойти до Трои невредимо
и уничтожить вражьи крепости копьём!»
Глаза потупили Атриды и всё войско.
Жрец поднял меч и говорить молитву начал,
на горло глядя, выбирая, где ударить.
Тогда немалая вошла мне в сердце боль,
поник я головой... И вдруг свершилось чудо!
Удара звук отчётливо услышал каждый,
но девушки нигде не видел на земле.
Воскликнул жрец, и войско всё отозвалось,
узрев нежданное от некоего бога
знаменье. Видевшие не могли поверить:
трепещущая лань лежала на траве,
великолепная и крупная на вид,
чьей кровью был забрызган весь алтарь богини.
Тут Калхас радостно, сама ты понимаешь,
сказал: «Вожди всеобщей армии ахейцев!
Вы видите ли? Лань, ведомая богиней,
примчалась по горам, чтоб стать алтарной жертвой!
Её богиня вместо девушки приемлет,
чтоб кровью благородной не пятнать алтарь!
Она довольна приношеньем и попутный
нам ветер шлёт для илионского похода!
Пускай все мореходы с духом соберутся
и по судам расходятся. Сегодня нужно
нам отплывать из полых гаваней Авлиды
и сразу пересечь эгейскую пучину!»
Над жертвой, пламенем гефестовым сожжённой,
молитву он прочёл о возвращеньи войска.
Меня же рассказать отправил Агамемнон,

какой удел ей от богов достался ныне,
какая слава негасимая в Элладе!
Я там присутствовал и видел всё, что было:
бесспорно, отлетела дочь твоя к богам.
Оставь печаль, не чувствуй горечи к супругу.
Дела богов непредсказуемы для смертных,
они спасут кого полюбят. Этот день
увидел дочь твою и мёртвой, и живой.

Хор Как радостно такую весть услышать, право!
Он говорит, среди богов твоё дитя!

Кл. Доченька, кражей какого бога стала ты?
Как обращаюсь к тебе? Как не скажу,
что меня утешают, напрасно,
вымыслами, чтобы по тебе
гибельную тоску я забыла?

Хор Смотри, вождь Агамемнон идёт,
он то же самое тебе расскажет.

Аг. Жена, большое счастье дочь нам принесла.
Воистину, она общается с богами!
Новорождённого ребёночка бери,
езжай домой. А войску нужно отправляться.
Прощай! Пройдут года, пока я возвращусь
тебя приветствовать из Трои. Будь здорова!

Хор Радуйась, Атрид, ступай в страну
фригийскую, и радуйась приди обратно
прекрасную добычу забрав у троянцев!

Брисбен, декабрь 2009–17.05.2010